

Харитонова Анна Павловна

№ 3262

Город Москва

Школа № 210 г

11 класс

Ак

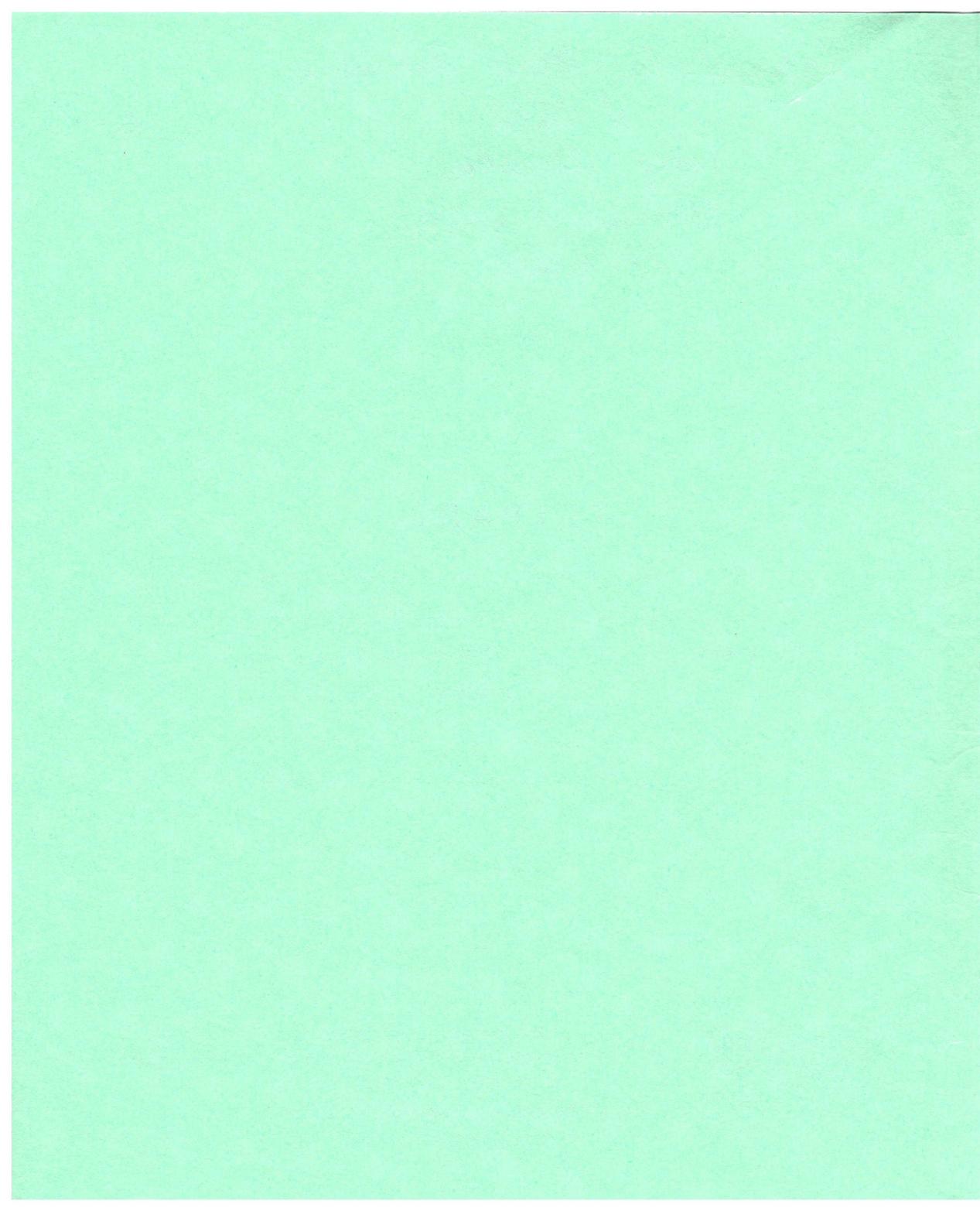
ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

школы _____

51770

I тур. Я начну с стихотворения

В. Ильинского „На отмену недели“

Последний, основной темой этого стихотворения является тема времени. Автор упоминает историю своей земли, постепенно приближающую к настоящему моменту. Это попытка познания оснований существующую реальность, эпоху, в которую довелось жить, хроною „здесь и сейчас“.

Проблема осознания своего времени особого остро стояла для авторов, которые не пережили революцию 1917 года и для многих из которых это событие стало роковым неизвестом в русской истории. Тогда спроизошло стихотворение В. Ильинского написанное с образа века, и в сознании сразу возникло „Век“ О. Мандельштама, написанный раньше, в 1920-е годы, и образ века-бонкодава из его же стихотворения начала 30-х. Мандельштам пытается осмыслить своего эпохи, но его стихотворение отличается от стихотворения Ильинского своим общим настроением. У Мандельштама на-

сталище зорко, сурово, даже увесисто, но надо, во-первых, не закрывать на это шар а во-вторых, бороться с этим ужасом. У Чеховского же все стихотворение пронизано негальной природой и святой грустью. С как бы импровизацией замечает о себе: „погиблая комары в бремени“.

Стихотворение „На антик лебедей“ испросно с формальной точки зрения. Вполне следующий традиции XIX века несгибавшимися четырехстопными дактилью, регулярно перебирающимися женские и мужские клаузурами, обычной перекрестной рифмой. Но ее и герды, характерные именно для новой поэзии: неописанное рифмы (нейзин — все мы же, стая — птичье), неологизмы (эмиль симво, содомство), множеством антитий, смешение различных лексических и стилистических пластов. Таким образом, уже на уровне формы автор подводит нас к вопросу о связи традиционного и нового, к вопросу о наследовании. ✓

Стихотворение начинается с описание-

ного, что было. Это описание по духу близко к технике импрессионизма — когда художник склоняется к изображению не сам предмет, а впечатление от предмета. Часто В. Шваровский употребляет насыщенное выражение, как бы „накидывая“ искусство зрителя, которые в сумме создают впечатление от времени, от разных эпох письма России. Например, николаевская эпоха явно вырисовывается мимо засечки привычности сочетания промышленных нововведений с древними, иногда едва дремущими народными поверхами („Но еще бесконечны — изоды“). К этому добавляются пропитанные памят на упоминание цензуры, и также разок — „дни в Петербурге и Гитта в Мадриде“, заканчивающиеся одиноко стоящим в начале строки Румыном, который как будто сражался в заборе на фоне у сирен. И вот читатель как будто сам вырисовывается в том времени, может проявлять все его особенности, все его существо, но явно не имея автору плености.

Интересно, что по мере приближения настоящему моменту описание становятся все более сухими. „Тонкое деликатство юного века“ явно совпадает с деликатством самого автора, и время ощущается им уже не как абстрактное понятие, а как ровесник — некто очень близкий и понятный, проговаривающий то же, что и ты.

Наконец автор подходит непосредственно к „нынче“. И первая характеристика этого „нынче“ состоит в том, что это другое. Ранее следует такое же импрессионистическое описание эпохи, и перед тобой предстоит узло советские реалии. Уклад жизни для автора принципиально изменился вместе со сменой власти. Однако он не застревает на этом разделе и описывает настоящее в том же духе книги, что и все прошлые эпохи, как бы привыкнув к единообразию времени. А потому вообще вероятно нечто, что соединяет это гулкое беспрерывное время русской истории настоящее с прошлыми. „Но скучна все эта эпоха“. Скука связана

Чем-то обидим, фундаментальными и неизменными для России как таковой. Это захолено в нее упаковано, и никакие перевесы не могут поколебать этой "Бородатой" скучки.

Верная русская скуча, которая остается и в настороженном времени, как будто опасаеться вернуться к своим истокам. Поэтому она "уборет к ногам", потому лебеди улетают в зени. Поэтому насторожнее еще В. Чирковского - это проводы, обращение пада, вслед за улетающими лебедями.

И писательница становится такого настороженного становиться проклятая дева, находящая в себе отсутствующее тело. Она появляется в синхронизации гностичностью как дева, как некий идеал, но идеал буряки. Она просто обязана быть девой в контексте высокопарной лексики, относящей к пластику античности и метафизических размышлений об устройстве мира, которое мог видеть в двух стирофах, завершающихся упоминанием этой девы. Но узел в следующий

стороне она сбрасывает свою изысканность с неё склоняясь над носом наследница всего русского прошлого (ведь именно она остаётся склоняясь в небо после отлета лебедей). А временем она обретает очень конкретное и даже смешное, мещанские черты. Синий хантеровский в последних двух строфах руки меняются. Появляется огромное количество слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, различного неправильности в грамматике ("Все птицы на ~~ногу~~ чужу", "гораздо прелестней"). Дева, которая должна была бы сохранить последнее, что осталось от неё прошлой России, оказывается девушкой, типичной бургарткой, провинциалкой, но и прекрасной в своей конкретности. ~~Но искренне в ней заинтересовалась~~

И именно в ней заинтересовались суть эти, которые всегда будут неприменимы. "Привилегия" храним её, сама того не зная. Её и собирается воспеть автор в своей "ми песней о Сулимири российских камнях Всё древность, вся Традиция, а с ними и

изображение от "Кинематик Стремен" где не
то в настоящем - не модельном, а такое, ка-
кое это есть.

K1	K2	K3	K4	K5	Σ
20	12	8	7	4	51

В целом, автор пытается поис-
требованием и ожиданием раскрывать
систему восприятия и смысла "Страх-
борение", вглядеть непротивостоянно-
ратори. Но не всегда бывает таково,
чтобы это получалось.

Дядя
Борис